

Ван Инь

АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ И АДРЕСАТ В "ГРАССКОМ ДНЕВНИКЕ" ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

В статье рассматриваются формы выражения авторского сознания и адресата в "Грасском дневнике" Галины Кузнецовой. Показано соотношение этих категорий. Указывается на разнообразные способы выражения авторского сознания в тексте дневника и на образ адресата. В статье анализируется, как меняется отношение автора дневника к своему герою - И. Бунину. Этот анализ показывает, как постепенно нарастал конфликт между Кузнецовой и Буниным. Предложено подходить к "Грасскому дневнику" не как к мемуарам, но как к книге о творчестве, творческом самоопределении Кузнецовой как ученицы Бунина и о сложном взаимодействии двух творцов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8:1751

В статье рассматриваются формы выражения авторского сознания и адресата в «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой. Показано соотношение этих категорий. Указывается на разнообразные способы выражения авторского сознания в тексте дневника и на образ адресата. В статье анализируется, как меняется отношение автора дневника к своему герою – И. Бунину. Этот анализ показывает, как постепенно нарастал конфликт между Кузнецовой и Буниным. Предложено подходить к «Грасскому дневнику» не как к мемуарам, но как к книге о творчестве, творческом самоопределении Кузнецовой как ученицы Бунина и о сложном взаимодействии двух творцов.

Ключевые слова и фразы: Галина Кузнецова; И. А. Бунин; «Грасский дневник»; авторское сознание; адресат; эмиграция.

Ван Инь

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
winwong@mail.ru*

АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ И АДРЕСАТ В «ГРАССКОМ ДНЕВНИКЕ» ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

Известно, что наиболее ярко черты личности Бунина запечатлены в двух книгах. Это дневник Г. Н. Кузнецовой и воспоминания В. Н. Буниной «Жизнь Бунина. Беседы с памятью». «Грасский дневник» считается главным и самым значительным произведением Кузнецовой. При этом важно помнить, что он был опубликован через двадцать лет после того, как были сделаны записи, и в них очевидна авторская правка. Примечательно, что личные моменты взаимоотношений и чувства автора в дневнике приглушены, а на первый план вынесено общезначимое в личности Бунина. При этом невозможно проверить, что было изъято автором из первоначального текста, потому что рукописи никто не видел.

Как известно, проблема автора до сего дня вызывает серьезные трудности в литературоведении. Казалось бы, победила точка зрения Б. О. Кормана [3], разграничившего биографического и «концепированного», или художественного автора, т.е. такого, который предлагает читателю некую коррекцию действительности, ее интерпретацию, итогом чего является все произведение в целом. Концепированный автор может выступать в виде повествователя, рассказчика, личного повествователя. Но такое разграничение «работает» по отношению к «полноценному» художественному тексту. А как быть с дневниками, которые точно пишет биографический автор, который жив именно в указанные в дневниковых записях числа? Но при этом он является и личным повествователем, поскольку читателю ясно, что все описанное заносится на бумагу тем, кто это воспринимает и фиксирует, а как носитель речи он является и рассказчиком, «организующим свою личностью весь текст» [3, с. 5]. Этот рассказчик-повествователь и выражает во многом авторскую позицию или, по крайней мере, хочет, чтобы события воспринимались именно в преподносимом им ракурсе. Но не следует забывать, что к дневнику в большей степени, чем к какому-либо тексту, относится склонность ведущего записи моделировать свой образ, затушевывать какие-то черты характера, педалировать то, что приближается к имеющемуся в сознании идеалу. Вообще правильнее будет говорить, что в дневниковой прозе почти сливаются автор биографический и автор концепированный. И, возможно, на этом «стыке» рождается «смоделированный» автор, т.е. тот человек, каким автор дневника хочет предстать перед окружающими.

Кузнецова, готовя «Грасский дневник» к печати, как уже говорилось, тщательно редактировала свои записи. Вопрос о публикации дневника она обсуждала с Л. Ф. Зуровым, писателем круга Бунина, который неоднократно упоминается на страницах дневника и который был свидетелем описанных событий.

В «Грасском дневнике» есть главный герой, Бунин. Подробно описываются его взгляды и мысли, его окружение. Поэтому Кузнецова фиксирует высказывания Бунина, а также и других обитателей и гостей виллы, записывает разговоры, ведущиеся в эмигрантских гостиных. Например, в дневнике запечатлено много высказываний З. Н. Гиппиус, Дон-Аминадо, Д. С. Мережковского, Тэффи, И. И. Фондаминского. Воссозданы портреты многих современников, оказавшихся в эмиграции. Кузнецова исследует характеры людей, наблюдая за ними со стороны.

Из окончательного текста видно, что отношение автора к своему герою менялось с течением времени. Образ писателя в дневнике явно эволюционирует. При этом нет сомнения, что Кузнецова создаёт именно образ Бунина, а не воспроизводит его портрет. Это видно по тому, как на первый план в дневнике выходят одни свойства характера Бунина и скрываются, уходят другие. Изменение отношения автора к герою прослеживается в том, как меняются пропорции представляемых читателю свойств: те, которые раньше были восприняты как ведущие, оказываются несколько затушеваны, потому что Кузнецова открывала для себя в Бунине не одни только привлекательные черты. Между строк в «Грасском дневнике» постепенно начинает проступать неприятие существующего положения вещей, желание вырваться из-под бунинской опеки. Несмотря на то, что Кузнецова тщательно правила текст дневника перед публикацией, убирала слишком личные подробности, все равно в нем ощущается нарастание будущего конфликта. В частности, самая главная причина расхождения Кузнецовой и Бунина (помимо разного жизненного целеполагания) – разница в возрасте.

Бунин родился в 1870 г., Кузнецова – в 1900 г. Между ними было 30 лет разницы. Жена Бунина, Вера Николаевна, была моложе его на 11 лет. Конечно, известны счастливые союзы с еще большей разницей в возрасте. Но в данном случае именно разница в возрасте сыграла, как утверждает М. В. Михайлова [6], роковую роль.

Личность автора в «Грасском дневнике» может быть «восстановлена» через восприятие и характеристику собственного творчества Кузнецовой, понимание ею «симптомов» вдохновения, размышлений над творческим процессом в целом. Кузнецова не всегда может полностью сосредоточиться на своей работе, потому что от этого ее отвлекает помощь Бунину в перепечатке произведений: «Давно не писала и как-то отвыкла и словно утомилась писанием о прошлом; впрочем, вероятно, это отчасти и оттого, что я слишком много сил отдаю роману И. А.» [4, с. 55]; «Я печатаю обоим. Этим ограничивается моя деятельность» [Там же, с. 156]. Мешает ей и то, что она постоянно сравнивает себя с Буниным, свое незначительное дарование с его великим талантом. Ей все время кажется, что ее дарование очень мелко: «Мне кажется, что все, что я даю ему читать, должно казаться слабым, беспомощным, и сама стыжусь этого. <...> Но что же делать, если я чувствую себя рядом с ним лягушкой, которая захотела сравняться с волком» [Там же, с. 71]? При этом ее вдохновение зависело от работы Бунина. Когда писатель начинал работать над произведением, то вдохновение посещало и ее: «Не могу заставить себя писать, вялость, жизнь представляется сквозь пелену какого-то усталого отворачивания. <...> Порой я с грустью вспоминаю те времена, когда И. А. писал, все равно, была ли это “Жизнь Арсеньева” или “Краткие рассказы”. В доме было какое-то полное надежд настроение. Теперь он уже давно не пишет, и все как-то плоско, безнадежно» [Там же, с. 293].

Можно встретить у Кузнецовой в описании собственного творческого процесса смену состояний от вдохновения до апатии и неуверенности: «Я ничего не пишу. Нет необходимого для писания запаса влюбленности в жизнь, в то, что пишешь. Наоборот: усталость и разочарование» [Там же, с. 53]. Она часто критикует свои произведения, относится очень строго к своему творчеству в целом. Например, она пишет об этом так: «Мой рассказ “Утро” очень хвалят, но у меня такое чувство, будто это не обо мне; что писал кто-то другой, а я ничего писать не в состоянии. Приходят неприятные мысли о том, нужно ли писать вообще» [Там же, с. 60]. В другом месте дневника она еще более жестко судит себя: «Сегодня все утро употребила на просматривание своих писаний за эти два года. У меня все время упорное чувство, что я пишу все хуже и хуже, что теряю непосредственность, делаюсь суше, “забываю жизнь”, живя только воспоминаниями» [Там же, с. 107]. А оценивая критические отзывы о своем творчестве, пишет: «В “Последних новостях” мои стихи. Немного обрадовалась, но как-то формально. Все это бледно в сравнении с той непрерывной работой мысли, что происходит во мне в течение этого года» [Там же, с. 100]. О ретроспективной самокритичности Кузнецовой и одновременно удивлении перед собственными литературными способностями свидетельствуют такие ее замечания: «Вижу по этому дневнику, как была беспомощна в выражении своих чувств, как наивны, детски требовательны были эти чувства. Приходится многое выпускать, потому что это ничего не выражает, ничего не рисует. Но зато все описания хороши, что меня очень поражает. Уже было чувство меры, чутье, очень верные определения» [Там же, с. 59]. Она оценивает свое творчество как «лирическое восприятие мира», в котором «нет ни иронической гримасы Ходасевича, ни “любовной презрительности”, столь модной теперь» [Там же, с. 52]. Прозаик считает, что пишет слишком просто, и в этом находит плюсы и минусы: «Моя простота никого не пленит, никого не отравит, а многим будет и скучна» [Там же]. Но ей она явно импонирует.

Кузнецова не очень много говорит от своего имени, нечасто высказывает свои мнения, однако ее личность в тексте книги просматривается. Прежде всего бросается в глаза то, что она смотрит на мир взглядом художника. Это видно по тому, как она приходит в восторг от пейзажей, состояния природы, живописных городков: «Никто никогда и словом не обмолвился, что этот город настоящая маленькая драгоценность – какие там есть дома, какие площади, какие улицы» [Там же, с. 74]! У нее несомненно присутствует дар описания, потому что воссоздаваемые ею люди, предметы предстают перед читателем как живые, буквально отпечатываются в памяти. Например, таков местный дурачок, увиденный острым взглядом Кузнецовой: «Дурачок Жозеф, как всегда, становился в позы под музыку, воображал себя герольдом, вскидывая и опускающая воображаемую трубу, дирижировал, не обращая ни на кого внимания. С нами поздоровался как обычно, сказав полунебрежно: “Yes!”» [Там же, с. 68].

О переживаниях писательницы можно судить по косвенным свидетельствам. Прежде всего, по мотивам, которые и ранее встречались в ее прозе: флористический мотив, мотив гор, мотив смерти. Мотивы служат для раскрытия образа автора, а также придают произведению эстетическое звучание. Эти мотивы соединяют фрагментарные дневниковые записи в единое композиционное целое.

Для того чтобы самоопределиться, она опирается на понимание другими писателями своих душевных состояний. В основном это происходит, когда она задумывается о своем творчестве, о своих способностях и начинает сомневаться, готова ли посвятить тяжелому писательскому труду всю жизнь. Чтобы понимать, что составляет суть существования писателя, она берется за книгу о жизни Альфреда де Виньи и неожиданно открывает для себя, что «в каждой из таких (писательских. – В. И.) душ есть одинаковые черты. Весьма знакомые и мне» [Там же, с. 81]. Обращение к дневникам и письмам английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд можно считать по-своему симптоматичным. Она с предельной пристальностью вглядывается в их строки, ища у английского автора аналогичные своим сомнения, обнаруживая «те же симптомы общей писательской болезни»: стремление к одиночеству, с одной стороны, и «тягость одиночества», – с другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на невысокую популярность «Грасского дневника» Кузнецовой у филологов, внимание которых он привлекает прежде всего в качестве книги, в которой содержатся сведения о биографии Бунина, нужно сказать, что на самом деле это произведение сложной жанровой природы, обращенное к творчеству вообще, рассказывающее о творческом самоопределении молодого автора, находящегося рядом с мэтром, о важности преподаваемых «уроков мастерства», о сложностях взаимодействия двух творческих «величин». Благодаря прямым высказываниям автора о себе, через оценку явлений окружающей действительности, прочитанных книг и т.п. перед нами раскрывается облик автора. Сходные мотивы присутствуют и в ее рассказах и в письмах, например письмах к Зурову.

Только в последнее время становится все более понятно, что этот дневник можно рассматривать и в ином ракурсе – как способ саморепрезентации, где фокус внимания исследователя будет сосредоточен на авторе, который сам является, например, писателем или, как в данном случае, писательницей, что будет усиливать гендерную артикуляцию текста. На этот аспект «Грасского дневника» обратила внимание О. Р. Демидова, благодаря публикаторской и комментаторской работе которой, как заметил А. В. Леденев [5], историки литературы получили возможность судить о Г. Н. Кузнецовой не только как о добросовестном летописце жизни Бунина в эмиграции, но и как о самостоятельной творческой личности. Демидова указала, в первую очередь, на то, что в результате чтения дневника «складывается не только представление о жизни на “Бельведере”, но и ощущение самого хода, течения, ткани этой жизни» [1, с. 6], т.е. увидела «пространственно-временной» ресурс написанного. Она также подчеркнула, что дневник, создававшийся в то же самое время, что и интереснейшие произведения самой Кузнецовой – ее проза и стихи, – несомненно, несет на себе отпечаток ее литературного таланта. И надо суметь увидеть в нем самостоятельные литературные достоинства.

Думается, что ее убеждение очень точно уловил О. Г. Егоров, отметивший, что писательский дневник, хотя и не является «произведением искусства в том смысле, что в нем менее всего “искусственного”, “художественного”», но в нем мы имеем дело «не с “заменителями” личности автора, а с самой личностью в ее глубинах и основах. Дневник не отражает, не рисует образ человека – он часть его самого... души, поступков, характера» [2, с. 1]. «Душа, поступки, характер» творческой личности все равно просто «обречены» творить некую художественную реальность.

Список источников

1. Демидова О. Р. Дневник как пространство умолчания // Кузнецова Г. Н. Грасский дневник / сост., вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. СПб.: Мирь, 2009. С. 3-24.
2. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: исследование. М.: Флинта; Наука, 2002. 288 с.
3. Корман Б. О. Изучение текста произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.
4. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник / сост., вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. СПб.: Мирь, 2009. 493 с.
5. Леденёв А. В. Стиливая партитура чувств: «бунинские уроки» в прозе Г. Кузнецовой // Русистика: сб. науч. тр. М.: МГУ, 2008. Вып. 8. С. 95-97.
6. Михайлова М. В. Творческие взаимоотношения Ивана Бунина и Галины Кузнецовой как конфликт молодости и старости // Wielkie tematy kultury w literaturach slawiańskich. Starość. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2016. Т. 12. Slavica Wratislaviensia CLXIII. S. 129-137.

AUTHOR'S CONSCIOUSNESS AND ADDRESSEE IN GALINA KUZNETSOVA'S "GRASSE DIARY"

Wang Yin

Lomonosov Moscow State University

winwong@mail.ru

The article considers the forms of expressing author's consciousness and addressee in Galina Kuznetsova's "Grasse Diary". The researcher discovers the correlation of these categories, points out addressee image and the means to express author's consciousness in the diary, analyzes how the author's attitude to her personage – I. Bunin – changes. The analysis indicates the gradual escalation of conflict between Kuznetsova and Bunin. The researcher proposes to consider "Grasse Diary" not as the memoirs but as the book about creativity, Kuznetsova's creative self-identification as Bunin's disciple and about complicated interaction of two creators.

Key words and phrases: Galina Kuznetsova; I. A. Bunin; "Grasse Diary"; author's consciousness; addressee; emigration.